

Name and Number in the Russian and Chinese Thought Traditions

V. A. Friauf

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: friaufva@inbox.ru

Ontological status of name and number in Russian and Chinese philosophy – is the subject of the article. Russian onomatology and Chinese school of ming jia are compared. According to onomatology of Paul Florensky, name and number – are two different ontological principle of being-organization. The number is the source of an external and objective being of things. The name is the source of inner and personal being. The number is the source of time and space. The name is the core of personality and the source of spontaneity and duty. Florensky offers concept of the initial name as archetype of any name. Florensky so offers concept the Chreia as energy axis of the name-organism. In philosophy of Mines-Jia the word «min» (name) is combined with the word «Khao» (title). In Chinese-Tibetan group of languages the name is implied not to knowledge or memory, but to the sage's ability to express thoughts of the sky. Losev complements the ideas of Florensky, mentioned above. The name is the limit of self-disclosure of things. Losev also creates an original philosophy of number. The number is an apriory form of the semantic meaning. Chinese Numerology adds to the school of ming jia. The «Book of changes» - the I Ching – combines in itself the mystery of name and the mystery of number in the tradition of Tao.

Key words: name, number, knowledge, semantic form, philosophy of name, philosophy of number, I Ching, numerology, ming jia.

References

1. Florensky P. *Imena* (Names). Moscow ; Kharkov, 1998. 912 p.
2. *Antologiya daoskoy filosofii* (Anthology of philosophy of Tao). Moscow, 1994. 447 p.
3. Morozova N. V. Kitayskie imena (Chinese names). *Sovetskaya bibliografiya* (Soviet bibliography), 1990, no. 6, pp. 24–28.
4. Anashina M. V. *Omofony v Kitayskom yazyke* (Omofons in Chinese language), available at: <http://zhongdao.ru/omofony-v-kitajskom-yazyke/>
5. Losev A. F. *Bytie. Imya. Kosmos* (Being. Name. Cosmos). Moscow, 1993. 958 p.
6. Losev A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost.* (Myth. Number. Essence). Moscow, 1994. 919 p.
7. Jou Tsung Hwa. *The Tao of Tai-Chi Chuan*. Warwick; N.Y., 1981. 257 p. (Russ. ed.: Chzhou Tsunkhua. *Dao Taytshi-tsyuanya*. Kiev, 1995. 352 p.).
8. Razumov I. K., Yeremenko G. A. Chislavye zakonomernosti poryadka gekstagram Ven Vana (Numerical regularities of an order hexagrams, Wen Vann). *Doklady nezavisimyykh avtorov* (The Papers of Independent Authors), 2008, iss. 9, pp. 95–105.
9. Losev A. F. *Khaos i struktura.* (Chaos and structure). Moscow, 1997. 831 p.

УДК 1: 316

МОДА И ЯЗЫК КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

С. М. Фролова

Фролова Светлана Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Саратов)
E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Исследование в статье этапов становления моды позволило проследить процессы формирования норм поведенческих и вещных предпочтений, а также развитие системы социальной ранговой иерархии. Изучение значения языковых практик определило важность их роли в нормировании и сохранении порядка повседневного бытия. Обыденный язык как четко структурированный, фиксирующий заложенную в нем систему представлений и общения феномен устанавливает в зависимости от социальных ролей строгую упорядоченность применения, обуславливая тем самым институциональную значимость своего существования. Статусом языка обладает такое явление современности, как потребление. Возможности обретения материальных благ и внешний вид не только дают информацию о субъекте, которая иногда превосходит речевую, но и ориентируют обывателя на нормы потребле-

ния. Таким образом, язык и мода являются нормообразующими компонентами, четко определяющими институциональные границы повседневного бытия.

Ключевые слова: повседневность, мода, язык, обыденный язык, языковые практики, традиция иерархии в одежде, институционализация повседневного бытия.

Понятие института заимствуется гуманитарными науками у экономистов, в частности у Д. Норта, полагающего, что институты это «правила игры», которые «уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь» [1] и ограничивают выбор поведенческих действий человека посредством внутренних нормативных

«глубинных» регуляторов (С. Г. Кирдина), которые не только упорядочивают и нормируют взаимоотношения людей, но и связывают прошлое с настоящим и будущим. В рамках повседневной деятельности такими нормообразующими факторами являются мода и язык, которые проходят длительный, не зависящий от директив властных структур путь формирования и, как правило, не только отражают исторические, технические, экономические преобразования в социуме, но и являются показателем его духовного состояния.

Не вызывает сомнений, что изменение повседневной деятельности человека непрерывно, оно зависит от «предшествующих траекторий» его генезиса, но «при всех исторических трансформациях повседневность все равно остается повседневностью – эмпирическим миром с повторяющимися отношениями», которые «частично наследуются из прошлого в виде непререкаемых матриц...» [2, с. 9], обусловленных каждодневными потребностями человека и неразрывно связанных с рутинной повседневной практикой индивида. Возьмем, к примеру, установку на поддержание общественного порядка через нормы повседневной одежды, моды, которую исследователи метко называли «разновидностью культурных норм».

В повседневной суете мы не задумываемся, что мода оказывает на нас огромное влияние, что при привычных и уже необходимых для нас руководств-эталонах при подборе элементов своего гардероба мы не только следуем простому желанию хорошо выглядеть, но и руководствуемся правилами, которые диктуют нам множество факторов: время года, день недели (будничным или выходной), мероприятие, род занятий. Таким образом, мода как образец вещественных и поведенческих предпочтений определенного общества нормирует, унифицирует и одновременно противопоставляет индивида коллективу, вынуждает не нарушать существующие, иногда навязанные правила поведения, одежды, этикета, противопоставляет (и даже осуждает) того, кто моде не следует. Мы полагаем, что с установлением образцов в одежде приходит и осознание значений общественных норм поведения, определенных этикетом, которых субъект вынужден придерживаться, дабы не быть изгоем и не подвергнуться коллективному порицанию. Это, несомненно, способствует развитию взаимо- и самоконтроля, ведь если бы окружающим было безразлично, как выгляжу «я» и рядом живущий человек, то, вероятно, не возникло бы необходимости через моду следовать нормативным установкам во внешнем виде, во всем соответствовать их требованиям. Следовательно, моду необходимо рассматривать как институциональный элемент повседневного бытия, отражающий нормы, правила, особенности общественного развития определенной исторической эпохи и уводящий субъекта от отклонений в нормах поведения и одежды.

Понятие моды сформировалось в эпоху Средневековья: тогда было введено строгое предписание фасона костюма, который зависел от социального положения индивида: монастырские уставы тщательно определяли цвет одежды орденов; рыцарские и университетские уставы упорядочивали аксессуары, точно указывающих на ранг их владельца; украшения и меха имели право носить только представители высших слоев общества. С установлением таких норм закрепляется введенное Т. Парсонсом понятие «дифференцирующего ранжирования индивидов» определенной социальной системы – когда субъекты принимают ранговую упорядоченность, следуют нормативной иерархичности в одежде [3]. Если изначально отступление от правил в одежде считалось просто деянием, достойным лишь общественного порицания (позже стало восприниматься как грех), то со времени утверждения ранговой иерархии костюм обретает законодательный статус.

В измененном виде законодательная традиция иерархии в одежде (в основном у священнослужителей и военнослужащих) и наличие аксессуаров (количество «звездочек» на погонах у военных, кортик у моряков, петлицы, обозначающие принадлежность к роду войск, награды) сохранилось до настоящего времени. Более того, неуполномоченное ношение аксессуаров (например, несоответствие военному званию погон или присвоение незаслуженных наград) по-прежнему подвергается общественному осуждению и преследуется по закону. Согласно Н. Элиасу, такому нормированию способствовали модификация прежних социальных фигураций и увеличение числа взаимосвязей между людьми, что обусловило необходимость запретов, привело к «рывку» цивилизации и, на наш взгляд, способствовало институализации каждодневной деятельности человека, поэтому моду можно рассматривать как экзистенциальное постижение и принятие нормативного бытия.

Благодаря значимости установленных в недалеком прошлом норм общественного существования современный человек не размышляет, в чем пойти на работу (в пижаме или костюме), он освобожден от выбора способа приветствия при встрече со знакомым или того, какое дерево нужно украшать в канун празднования нового года. Все это заранее определено и потому не замечается, не оспаривается, рутинно, обыденно и подвержено «рефлекторному автоматизму» (П. Штомпка). Таким образом, существующие нормативные шаблоны (к которым мы с уверенностью относим моду), обобщившие социальный опыт, выполняют функцию имманентных, не всегда замечаемых регуляторов наших предпочтений, стандартизирующих механизмы поведения и тем самым институализирующих повседневное бытие индивидов.

Для результирующего взаимодействия (В. Кермеров) и эффективного нормирования бытия крайне важно уметь донести до субъекта информацию, поскольку даже при описании одного предмета с использованием одних и тех же слов восприятие сказанного двумя субъектами может расходиться, так как за применяемым словом скрывается эмпирически воспринимаемая реальность, выработанная человеком в повседневной жизни. Чтобы информация была общедоступна, а главное, правильно воспринимается большинством членов общества, важны общие схемы коммуникации, выработке которых способствуют общие правила передачи информации, подразумевающие как упорядочивание языка жестов и мимики, так и нормирование словоупотребления. Вследствие этого язык как «объектирующий работу мышления» (С. Ожегов) начинает навязывать нам заложенную в нем систему представлений, затрудняющую четкое видение окружающих явлений посредством созданных им понятийных рамок. Следовательно, язык, как точно заметил К. Ясперс, относится к средству сохранения порядка, поскольку часто «сказанное значения не имеет; ценностным масштабам формулы служит возможность сохранить порядок, замаскировать то, что ставит его под сомнение» [4, с. 318], т.е. язык является нормирующим не только мышление, но и бытие человека феноменом.

Не вызывает сомнений, что язык формируется постепенно в процессе повседневного бытия и изначально был предназначен только для каждодневного общения. С развитием знаний начинает входить в повседневный обиход искусственный язык, который объединил специализированный (созданный для объяснений сложных, специфических явлений) и обыденный языки, а также вербальные и невербальные формы общения. Конечно, в сравнении с формальным, повседневный (обыденный) язык демонстрирует минимальный уровень определенности, но несмотря на то, что он существенно сокращает применение специальной терминологии, точно объясняющей многие явления, обыденный язык намного богаче и разнообразнее, поскольку включает в себя огромное количество форм словоупотребления, отражающих различные стороны бытия – бытового, разговорного, жаргонного, сленгового, и потому более понятен обывателю. Согласно точному замечанию Г. Райла, обыденный это значит «общий», т.е. тот, который не «противопоставляется обычным словам и выражениям» [5, с. 339], его употребляют многие люди, обращаясь к нему как постоянной величине. Особенности обыденного языка, продолжает мысль другой исследователь, свидетельствуют не столько «о его несовершенстве, сколько о могуществе, гибкости и скрытой силе» [6], требующих к себе особого внимания и подразумевающих определенный порядок его

употребления, не случайно иностранцы не могут уловить глубинного смыслового подтекста русского языка, привычного для его носителей.

Язык, согласно Бергеру, это первый институт, структурирующий микромир человека, через который раскрывается «обширная реальность», лежащая за пределами этого мира: «именно средствами языка в опыте <...> стабилизируются роли», что является «решающим шагом в процессе социализации» [7, с. 94–95] и расширении макромира любого субъекта. Если язык это институт, а институциональные установки формируются в процессе повседневной жизнедеятельности, то феномен речи можно рассматривать как институциональную составляющую повседневности, отражающую нормативное содержание бытия. Вероятно, не случайно Н. Луман считал, что «говорение – это специализированное на коммуникации, дифференцированное для исполнения этой функции и тем самым очень выделяющееся для восприятия поведение» [8, с. 226]. Это понятно, ведь нормы языка вырабатываются исходя из «презумпции понимания», представлений о порядке вещей, условий повседневной бытия среды, отражают культурное, материальное и социальное развитие общества.

И. Гофман, исследуя механизм нормативности языковой практики и приводя множество способов закрепления в обществе формальных и неформальных высказываний, пришел к выводу, что для индивида особо значимо умение свободно ориентироваться в разговорном пространстве, поскольку правильный учет времени, места и окружения помогает ему правильно осуществлять выбор норм общения [9, с. 609–612] и тем самым избегать непонимания. С этим сложно не согласиться, ведь языковые практики объединяют знания, выработанные в процессе каждодневных взаимодействий в соответствии с типизацией социальных ролей (роль пациента, родителя, работника), и потому имеют институализированные, понятные для всех форм общения правила, которые структурируют многообразие ситуаций повседневной деятельности и не допускают «отрыв от реальности» бытия. Таким образом, как социальный институт язык является отражением разнообразия «разновидностей» системы отношений, накладываемых повседневной деятельностью и реальностью бытия.

Несмотря на неповторимость и индивидуальность каждого субъекта в вопросе выбора способов выражения идей в процессе повседневной жизни (исключая творчество и искусство), язык ограничен выработанными в процессе каждодневного бытия знаково-семантическими рамками, которые определены каждодневной значимостью и не могут зависеть от предпочтений одного индивида. Следовательно, язык и его знаково-семантическое разнообразие вынужденно-необходимо структурированы и зафиксированы в понятных для всех нормах

общения, что помогает избежать бесформенности и «хаоса судорожных импульсов и неопределимых эмоций» (К. Гирц), допускает возможность определить через нормы языка индивидуальное и коллективное восприятие каждодневно окружающей реальности, а преобладание в языке определенных значений делают для всех очевидным наиболее значимые для индивидов явления.

Подтверждение сказанному находим у Э. Кассирера. Опираясь на исследования К. фон дер Штайнена, немецкий философ пишет, что не случайно у народов бакайри существует множество слов, дающих различные характеристики попугаям и пальмам, а у аборигенов Тасмании нет понятия дерева, но существует масса значений, отражающих многообразие разновидностей акаций и пальм [10, с. 228]. По этой же причине у северных народов для обозначения понятия «снег» существует около сорока различных значений и практически нет определений для зеленого цвета [11]. Можно сказать, что язык не только несет в себе бытийственное содержание, но и вкладывает в слова особый аспект мировидения.

При обсуждении языковых разнообразий, подчеркивает В. Гумбольдт, мы должны учитывать, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, но различные видения ее» [12, с. 349], поэтому отличия в формировании системы языковой практики (дискурса) можно рассматривать как разнокоординированность субъектов в восприятии нормативных, мировоззренческих и социальных установок каждодневно существующего. Следовательно, утверждение, что «повседневный дискурс проверяет на выживаемость тематические дискурсы, оценивает их значимость и выстраивает их иерархию» [13, с. 224], которой индивид руководствуется в процессе повседневного бытия, не лишено определенной значимости. Ведь эмпирические навыки являются не только производными дискурса, но и важными составляющими в выборе «говорения», приоритетных способов и норм изложения звуковой информации.

Аналогичная точка зрения прослеживается у М. Хайдеггера, который считал, что основополагающим элементом создания повседневной реальности является речь, «об-реченность», поскольку «речение <...> почерпнуто из того, о чем речь», следовательно, в языке отражены все мыслимые человеком культурные концепты, «уразумение потребностей», выражаемые через «голосовое озвучивание в словах» [14, с. 32], которые накладываются на реальные события и приспособляются под существующие правила восприятия. Очень важно в понимании языка то, что он «говорит вместе с нашей речью» [15, с. 264], является *текстом нашего бытия*. Кроме этого, «говорение», по Хайдеггеру, определяет социальную связь, дает ощущение неразрывности в пространстве, очерченном едиными языковыми

границами, и формирует мир субъектов, отличающийся единством мыслей, действий, поведенческих предпочтений и осмысления бытия.

В современных условиях, когда человечество превратилось в глобальную целостность, повседневное бытие все больше обретает открытый характер, что не всегда позитивно сказывается на культуре, цивилизации и языковых практиках различных народов. Дело в том, что глобализация способствует «надлому» традиционных, внутренних ценностных и нормативных установок, ведущему к потере индивидуальности, деформации и даже утрате наработанных веками языковых правил. Кроме этого, добавление в словарный запас слов и терминов, заимствованных из других языков, ведет к сглаживанию «оттенковых» различий национального языка, способствует его разнормированию и, как бы абсурдно это ни звучало, смысловому обеднению, ведь слепое и бессмысленное подстраивание под чужие нормы привычного словоупотребления лишает язык сплоченности «звуковых элементов» (П. Флоренский), заставляет искать в сказанном подтекст, затрудняет, согласно Ж. Лакану, диалог с Другим, а также усиливает речевые изъяны и непонимание в разговоре, создает ощущение, что субъект «отличен от того, что говорит» [16, с. 257], чем лишает внутреннего, духовного единения собеседников.

Духовным разобщением, разрушением общности нормативных установок становится все более институализирующийся феномен современности – потребление, к тому же обретший статус языка, при помощи которого становится возможным считать информацию о другом субъекте. Согласно Ж. Бодрийяру, «обращение, покупка, продажа, присвоение различных благ и вещей <...> составляет сегодня наш язык, кодекс, согласно которому целое общество *общается* и разговаривает. Такова структура потребления, ее *язык*...» [17, с. 109]. Приведенная цитата свидетельствует о небезосновательности подхода французского исследователя к потреблению как к институту, отражающему его «структурный принцип», основанный на принуждении и социальной избирательности, основанный не на принципе удовольствия или права, а на позиции гражданского долга.

Потребление как институт обладает регулирующей функцией, поскольку построено на правилах и нормах, упорядочивающих повседневную жизнь. Через нормирование потребления четко просматриваются особенности повседневного бытия на протяжении всего исторического развития общества. Не заглядывая в далекое прошлое, можно отметить разницу в отношении к потреблению в советский и постсоветский периоды. Так, в советское время ограниченное потребление было связано с экономическим несовершенством управляющей системы, и потому стремление «иметь» расценивалось как негатив-

ный фактор в характеристике членов общества. В постсоветский период навязываемое, нормируемое СМИ и рекламой тяготение к безграничному потреблению, способствующее хабиутализации (опривычиванию) идеи обогащения, вынуждает рассматривать активного потребителя товаров и услуг как одобряемого, положительного представителя общества.

Потребительская культура ведет к разрушению социального порядка, последствиями которого являются уравнивание человека с вещью, соответствующей моде, и всеобщая стандартизация жизни. Такая нормативность сопоставима с аномальной инфекцией, заражающей своим вирусом все общество. Больное общество не в состоянии сохранять свою культуру, национальную идентичность, здоровые нормы повседневного бытия, такое общество «задает границы организму, а организм ставит пределы обществу» [1], загоняя в стандартные нормы всевластных потребительских предпочтений, регулируя по своему усмотрению поведение субъектов и закрепляя новые типы идентичностей, играя роль основного руководства поведением индивидов. Таким образом, потребление постепенно переходит в категорию устоявшихся поведенческих и даже языковых норм, поскольку оценивается (к сожалению) возможность субъекта «иметь», что подразумевает (как и язык) передачу информации.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что мода как одна из ранних форм нормирования деятельности человека упрощает его существование, поскольку фундаментальной основой ее формирования выступает опыт, объединивший социально важные значения с общественной реальностью и поведенческими предпочтениями индивида в повседневном существовании, поэтому моду можно рассматривать как массовый и долговременный творческий путь институализации повседневного бытия, по которому можно конструировать социальную реальность и «реальность повседневной жизни» (Бергер и Лукман) любого общества.

Язык и мода являются системообразующими компонентами социального мира, через которые

определяется и структурируется наше восприятие, учреждаются границы важности значений, воспроизводятся конститутивные установки повседневной деятельности, предопределяются поведение и принятие социальных норм, подчеркивается разноликость каждодневного существования общества, выделяя через языковую практику и предопределенности норм этикета и поведения особенности его бытия.

Список литературы

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. 180 с.
2. Давидович В. Е., Золотухина-Аболлина Е. В. Повседневность и идеология // Философские науки. 2004. № 3. С. 5–17.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.
4. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. 527 с.
5. Райл Г. Понятие сознания. М., 1999. 408 с.
6. Ивин А. А. Логика для журналистов. М., 2002. 224 с.
7. Бергер П., Бергер Б. Социология : Биографический подход // Бергер П., Бергер Б., Коллинс Р. Личностно-ориентированная социология. М., 2004. С. 25–396.
8. Луман Н. Медиа коммуникации // Луман Н. Общество общества. М., 2011. С. 203–441.
9. Гоффман Э. Анализ фреймов : эссе об организации повседневного опыта. М., 2003. 752 с.
10. Кассирер Э. Философия символических форм : в 3 т. Т. 1. Язык. М. ; СПб., 2002. 272 с.
11. Кондратов А. М. Звуки и знаки. М., 1978. 208 с.
12. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 502 с.
13. Силантьев И. В. Газета и роман : риторика дискурсных смещений. М., 2006. 224 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006. 451 с.
15. Хайдеггер М. Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 259–273.
16. Лакан Ж. Семинары. Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998. 430 с.
17. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006. 269 с.

Fashion and Language as Institutional Components of Daily Life

S. M. Frolova

Stolypin Volga Region Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Ulitsa Sobornaya, 23/25, 410031 Saratov, Russia
E-mail: frolovasvetla777@yandex.ru

Abstract: The research into the fashion formation stages in the article has allowed to trace the formation processes of behavioral and property preferences, as well as the development of the social rank hierarchy system. The study of the language practices significance has defined the importance of their role in the regulation and preservation of daily being order. Everyday language, as a clearly structured phenomenon firmly fixing the inherent system of ideas and communication, establishes, depending on social roles, the strict order of application, thus conditioning the institutional significance of its existence. Such phenomenon of modernity as consumption has the status of a language. The possibility of gaining material wealth and one's appearance not only give the information on a person, which sometimes surpasses speech information, but also guide a layman on consumption rates. Thus, language and fashion are rule-proclaiming components that clearly determine institutional frames of daily being.

Key words: daily life, fashion, language, everyday language, language practices, tradition of hierarchy in clothes, daily being institutionalization.

References

1. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge, 1990. 152 p. (Russ. ed.: Nort D. *Instituty, institutsionalnye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki*. Moscow, 1997, 180 p.).
2. Davidovich V. E., Zolotukhina-Abollina E. V. Povsednevnyost i ideologiya (Daily life and ideology). *Filosofskie nauki* (Philosophical Sciences). 2004, no. 3, pp. 5–17.
3. Parsons T. *The structure of social action*. N.Y., 1937, XII+ 817 p. (Russ. ed.: Parsons T. *O strukture sotsialnogo deystviya*. Moscow, 2000. 880 p.).
4. Jaspers K. Die geistige Situation der Zeit. Berlin ; Leipzig, 1932. 191 s. (Russ. ed.: Jaspers K. *Dukhovnaya situatsiya vremeni: smysl i naznacheniye istorii*. Moscow, 1994. 527 p.).
5. Ryle G. *The concept of mind*. L., 1949. 334 p. (Russ. ed.: Rayl G. *Ponyatiye soznaniya*. Moscow, 1999. 408 p.).
6. Ivin A. A. *Logika dlya zhurnalistov* (Logic for journalists). Moscow, 2002. 224 p.
7. Berger P., Berger B. *Sociology : A bibliographical Approach*. N.Y., 1972. 335 p. (Russ. ed.: Berger P., Berger B. *Sotsiologiy: Biograficheskiy podkhod*. Berger P., Berger B., Collins R. *Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya*. Moscow, 2004. 608 p.).
8. Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt/M, 1997. S. 190–412 (Russ. ed.: Luman N. *Media kommunikatsii*. Luhmann N. *Obshchestvo obshchestva*. Moscow, 2011, pp. 243–441).
9. Goffman E. *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. L., 1974. 586 p. (Russ. ed.: Goffman E. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow, 2003. 752 p.).
10. Cassirer E. *Philosophie der symbolischen Formen: in drei Teilen. Erster Teil: Die Sprache*. Meiner, Hamburg, 2010. 330 s. (Russ. ed.: Kassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form: v 3 t. Vol. 1. Yazyk*. St. Petersburg, 2002. 272 p.).
11. Kondratov A.M. *Zvuki i znaki* (Sounds and Signs). Moscow, 1978. 202 p.
12. Humboldt W. *Von Schriften zur Sprachwissenschaft (Writings on linguistics)*. Zürich, 1994. 352 s. (Russ. ed.: Gumboldt V. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniyu*. Moscow, 1984. 502 p.).
13. Silantyev I.V. *Gazeta i roman: ritorika diskursnykh smesheniy* (Newspaper and novel: the rhetoric of discourse confusion). Moscow, 2006. 224 p.
14. Heidegger M. *Being and Time*. L. ; N.Y., 2005, 220 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Bytiye i vremya*. St.-Petersburg, 2006. 451 p.).
15. Heidegger M. *Der Weg zur Sprache. Unterwegs zur Sprache*. Pfullingen: Neske, 1959, pp. 157–216 (Russ. ed.: Khaydegger M. *Put k yazyku. Vremya i bytiye*. Moscow, 1993, pp. 259–273).
16. Lacan J. *The Seminar Book I, Freud's Papers on Technique* / trans. with notes by J. Forrester. Cambridge, 1988. 314 p. (Russ. ed.: Lakan Zh. *Seminary. Kniga 1: Raboty Freyda po tekhnike psikhoanaliza {1953/54}*. Moscow, 1998. 430 p.).
17. Baudrillard J. *La Société de consommation: ses mythes et ses structures*. P., 1970. 318 p. (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury*. Moscow, 2006. 269 p.).